

Е.В. Самойлова

**АНТРОПОМОРФНЫЕ ПРОЕКЦИИ РОДСТВА
В КОНТЕКСТЕ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ
СЕВЕРОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XXI в.***

Во время полевых выездов последних лет в районы Вологодской, Архангельской, Костромской и Кировской областей в поле зрения автора попадали антропоморфные фигурки (далее — АФ): игровые и мемориальные куклы, огородные пугала, «очеловеченные» предметами женского рукоделия придорожные кресты и пр. Так, летом 2009 г. на одном из огородов с. Вирма (Поморский берег Белого моря) я заметила два ростовых пугала (мужское и женское). Одно из них соседи приняли за хозяина дома¹: «Смотрю, стоит мужик, так я решила, что Эдик — хозяин. Только что-то высоковатого роста. Он пониже-то так, когда ходит в огороде. Он все время тут и копает, и окучивает. Я Прокопьевну тут и не вижу»². Пугала появились на грядках в период созревания клубники — как защита от птиц. Прототипом послужили сами хозяева: «Сперва *себя* поставила, а потом уже и *его* откустырила»³. С легкой руки соседей пугала были идентифицированы с хозяевами и получили их имена: «Она увидела два чучела. Да и *сделала им имена*»⁴. Пример позволяет интерпретировать АФ как *предметные проекции брачных отношений*.

Пугало из д. Трошигино (Вытегорский р-н Вологодской обл.) и резная деревянная скульптура из д. Екимово (Чарозерский р-н Вологодской обл.)⁵ служили *напоминанием об умерших родственниках*. Коммуникативная связь с миром мертвых устанавливалась через ритуальные действия⁶, предметы одежды (на АФ — вещи покойных) и ТР («дедо Саша»).

Почти повсеместно в память о повзрослевших и уехавших детях хранятся куклы, игрушки из пластмассы или плюша. За ними присматривают (расчесывают, купают, украшают и т.п.), их берегут, помещают на почетных местах. Отечественные исследователи относят их к предметам «домашнего реликвария»

---

* Статья написана при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Гендер, возраст и родство в контексте ритуала»).

[Морозов 2011: 147; Разумова 2001: 169]. Отмечается *связь игрушек с родными (мать/дочка, бабушка/внучка)*, соотнесенность с определенным жизненным периодом, семейной историей [Морозов 2011: 148–150; 2002: 53–68].

Жительница д. Вышково (Макарьевский р-н Костромской обл.) по нашей просьбе реконструировала *свадебную тряпичную куклу «Ябливасушка»*, которую приносили молодоженам на второй день свадьбы: «У нас старушка смешная была. Принесет [куклу]: “Смотрите, какого мне Ябливасушка сегодня подбросили”. Молодым-то говорят: “Не ваш ли это Ябливасушка? Подбросили сегодня, только вот — ночью”»⁷. Здесь также прослеживаются родственные отношения: «...на родных свадьбах — кто родня, на чужих не ходит она»⁸.

В приведенных примерах АФ играют роль заместителей отсутствующих (умерших, уехавших), способствуют сохранению родственных связей и служат их предметным выражением — *предметными проекциями родства*. Символическая или метонимическая связь между человеком и АФ возникает в процессе символического кодирования информации: «...они [куклы] мне все дороги как частичка тех людей, которые мне их подарили»⁹. Программы символического кодирования предметов создают прецедент к использованию АФ в СР.

В этой статье внимание сфокусировано на антропоморфных проекциях родства в контексте свадебной обрядности. Основой послужили полевые материалы автора, собранные в Карелии, Удмуртии, Архангельской, Вологодской, Костромской и Кировской областях (2008–2013), а также публикации исследователей конца XIX — начала XX в. Визуальные методы фиксации позволяли определиться с прагматикой. Интервьюирование служило подспорьем при выявлении аспектов символического, латентных целей и функций.

Свадебная кукла рассматривается в работах современных этнографов, этнолингвистов [Виноградова, Толстая 2004: 29–30; Мадлевская 2005: 301–303; Морозов 2005: 23–37; 2011: 121–137]. Объектом исследования становится определение ее функциональности (нередко латентные функции ускользают) и места в структуре свадебного обряда. Смещение акцента на практики конструирования родственных отношений в вышеупомянутом ритуале открывает новые перспективы в изучении социальных контекстов использования антропоморфных предметов. Поскольку все случаи, фиксируемые в полевых материалах, соот-

носятся с вирилокальной формой брака (как наиболее характерной для данной территории), особое внимание уделяется тем ритуальным элементам с АФ, которые способствуют освоению новобрачной нового пространства (коммуникативный аспект).

С.М. Толстая отмечает, что стержневой основой восточнославянского свадебного обряда становится смена отношения невесты к своему и чужому роду (для жениха подобной конфронтации не существует) [Толстая 2008: 568]: «категорическая дихотомия в ряду отец–свекор, мать–свекровка, брат–деверь, сестра–золовка» [Там же: 563] с положительными оценками первых членов пар и отрицательными вторых, характерная для довенечной части свадебного обряда, по ходу действия постепенно сменяется на нейтральную и завершается появлением двойных наименований (свекор–батюшка, свекрова–матушка, деверья–брателки, золовки–сестрицыньки) [Там же: 564]. Автор указывает на существование проблемы освоения и использования новобрачной новых ТР, возникающей в период установления отношений с другим родом [Там же].

В структуре севернорусской свадьбы прослеживаются компоненты обряда, играющие важную роль при овладении новыми ТР и установлении связей между родственниками с обеих сторон. Обратим внимание на те, в которых используются АФ.

Антропоморфные фигуры в практиках конструирования новых родственных связей

Появление новобрачной на свадебном пиру после первой брачной ночи сопровождалось различными шуточными испытаниями. На Средней Пинеге в числе распространенных предметов (веник, прялка), предлагаемых невесте, фигурирует кукла: «Вот за стол-то сели назавтра. Избу-то будут пахать... Подходим [с куклой]. — Глядите, что получилось. Тут ей (молодке. — Е.С.) подают (куклу. — Е.С.), и она просит: “*Мама помоги, поведись, пожалуйста*”. Надарили-то (куклу. — Е.С.), попроси да *назови свекровку-ту мамой-то*. <...> И так-то вот она должна подать потом молодка (*с поклоном* должна передать куклу свекрови. — Е.С.). — *Мама, выручи меня, поведись*. Это для того, чтобы она *мамой* назвала»¹⁰.

Морфология символического предмета

Такую куклу делали «на скорую руку» из подручных материалов. Наибольшей популярностью пользовались женские плат-

ки: «У них плат как был, да свернули. Повязали... *Завертыши*, вот именно, *завертыши*. Не делали, чтобы специально. Раньше ведь ничего не было. В половёшку какую-нибудь завязали, да и перевели веревочкой»¹¹. Основой могли послужить вышедшие из употребления женские вещи (кофты, платья, блузки)¹².

Иногда в ход шли предметы хозяйственной утвари: «От каталки такая чурка-та. Чурачок. Тоже куколка наряжена. Представляете, как белье катают? Врубель, его катают по круглой палочке. Она специально такого размера. Накатывают полотенце. Так вот, эту палочку круглую нарядили куклой»¹³.

Начиная с 60–70-х годов прошлого столетия для обрядовых целей стали использовать покупных кукол: «У нас такая была — *настояшча кукла* (покупная. — *Е.С.*). Кукла была, и соска была: в рот совали. Заболъна была»¹⁴.

«Нашли подкидыша»: модели и практики

В Костромской области кукла, принесенная ряжеными, служила поводом к общению родственников со стороны жениха и невесты¹⁵ и установлению отношений с близкими соседями — породнение по локальному признаку. В д. Андреевская (Макарьевский р-н) куклу приносили ряженные: «Ряженные¹⁶ дарили: обязательно куклу носили дарить молодым. Вот такие деланные наделают и носят молодым»¹⁷. Собравшиеся старались подыграть: «— Нашли подкидыша, глядите: ваш или не ваш. На которого похож? — На батька похож, на отца похож»¹⁸.

Предметом обсуждения становился пол «ребенка», его «сходство» с родителями, «роды» и пр.: «И вот, тут адин смеётся, другой — хахочит, третий — ишшо больше!»¹⁹

В рассмотренном выше примере пинежской свадьбы кукла используется для установления диалога между невесткой и свекровью, во многом предопределявшему характер будущих отношений. Идеальная модель преодоления существующего отчуждения выражалась в смене ТР: невестка–свекровь → мать–дочь (вокативная форма²⁰). От обеих ожидалось проявление готовности к устранению коммуникативных барьеров и признание родственных отношений. Многие женщины подчеркивают, что испытывали определенную сложность в период вхождения в новую семью, а некоторым так и не удалось справиться: «Мы общались — нормально общались, но никак не вылезало слово “мама”: какая она мне мама?! У меня мама своя есть»²¹.

Первое общение невестки со свекровью и передача дара происходили сразу после вхождения новобрачной в дом семьи мужа²². Такой опыт рассматривался как пробный, и круг присутствующих ограничивался близкими родственниками. Вторичный акт, по общепринятым нормам, требовал публичного признания и совершался прилюдно.

— «Тут же *пала матери в ноги*, сказала она, как звать, тут родня-то подошли: братья, сёстры, и надо дары дарить. Божатка достават, невесте передават: “Наше дело небогато, на дарах не осудите, чем богаты, тем и рады”»²³.

Как объясняют женщины, вне публики произнести «мама» оказывается проще. «Но *за столом как будешь мамой-то называть-то?! А эти ведь добиваются все, чтобы мамой назвала. Назови мамой-то*»²⁴.

«— Так вот, куклу подарят. В одно и то же время это и игра, и в то же время (ритуал. — Е.С.): “Ну-ко, *назовет ли за столом — при всех-то?! Одно дело — там, а другое — за столом*”»²⁵. И как следствие: «*Если назовешь при всех, дальше тебе, может, и не стыдно будет называть, и будешь мамой называть*»²⁶.

Запреты и предписания

Поведение участников свадебного обряда регламентировалось установленными в локальной традиции нормами. В качестве стимулов прибегали к шуточным формам поощрения и наказания. Так, во время традиционного испытания «пол пахать» новобрачной предлагали непригодный, полностью износившийся веник, постоянно подсыпали всевозможный сор: «...мусор, зерна какого-то насыпали. Веник мне суют. Одни прутки. Почти что одни прутки. Тычешь, тычешь»²⁷. Обычно кто-нибудь из старших подсказывал молодежи (формулировал нормы), как выразить покорность свекрови и избежать публичного глумления: «Елизавета Никифоровна подошла: “*Поди, поди, говорит, свекровке в ноги пади*”. Скажи: “*Мама, научи меня пахать-то*”»²⁸.

Действия с куклой включались в канву общих испытательных практик. Готовность невесты к подчинению демонстрировалась в принятии термина «мама», передаче куклы-ребенка («на воспитание») и получала одобрение присутствующих: «...надарили-то [куклу], попроси да назови свекровку-ту мамой-то»²⁹. От свекрови ожидали ответных действий, поощрявших покорность невестки и утверждавших собственную власть.

Она принимала из рук невестки куклу, тем самым избавляя ее от насмешек, нередко с эротическими подтекстами: «Маладые ни живы ни мёртвы! Тут пахабшина ведь пайдёт: не паймёшь, што и делаица — кто ва што гаразд»³⁰. Если речь шла о подметании пола, приносила пригодный для этих целей веник, а иногда и полностью освобождала от работы: «*Мамой назовешь*, дак они и перестанут [мусор сыпать], (свекровь. — *Е.С.*) пришла, бутылку принесла, веник отобрала, сама подмела»³¹.

АФ могли быть использованы для публичного декларирования норм отношений между супругами (проекции будущего): «Тут женщина (родственница со стороны жениха. — *Е.С.*) нарядилась каким-то попом. Начала эту куклу в купели какой-то купать и приговаривать: “Ты смотри, Виталий, не обижай Нину: она росла одна у матери, не обижай ее”»³².

Во всех фиксируемых случаях кукла используется для регламентации взаимоотношений в парах *невестка/свекровь*, *невеста/жених* и публичной легитимации статусов власти и подчинения.

Ритуальное утверждение статуса

Состязание за символическое первенство между представителями разных родов — распространенный элемент, фиксируемый в севернорусской свадьбе. В день венчания (свадьбы) в доме жениха и в доме невесты происходит борьба за распределение главенствующих и подчиненных ролей в кругу родни мужа. Ритуальные «поединки» происходят между *женихом* и *невестой*³³, *между сватьями*³⁴ и, наконец, между *невесткой* и *свекровью* как главными претендентками на первенство в доме. В севернорусской свадьбе *кукла* включалась в число предметов, предназначавшихся для индикации статуса родственных отношений (свадебный хлеб, веник, прялка, предметы одежды) и чаще всего использовалась женской парой — *свекровь–невестка* (застолье). В ситуации появления куклы на брачном ложе молодоженов кукла могла рассматриваться как показатель отношений между представительницей старшего поколения родственников со стороны мужа (бабушка, тётушка, божатка) и молодой парой.

1. Свекровь — невестка. Принятие новобрачной ТР, определяющего ее отношения со свекровью — «мама» («матушка»), означало не только признание родственной связи, но и утверждение власти последней. Т.Б. Щепанская рассматривает метафору материнства как «способ вербализации отношений влас-

ти — “старший”, “главный в хозяйстве”» [Щепанская 1999б: 138; 2005: 342]. Подтверждение высокого статуса старшей женщины (матери мужа) может прочитываться в вербальных и невербальных текстах свадебного обряда (ТР + действие → невеста называет свекровь матерью и кланяется): «Я пала, пала, пала, пала... Тут же пала матери в ноги». То же в действиях с куклой: «Куклу-то дадут, и надо сказать: “Мама, возьми, поводишь, выручи меня”. Главное — чтобы при всех, при всем народе честном ты «мамой» назвала. Ведь это почетно, как мамой назовут! <...> молодка с поклоном должна передать куклу свекрови»³⁵. Передача куклы — еще один шаг принятия власти, т.е. АФ «связывается с инстанцией контроля» [Щепанская 2010: 178]. На Пинеге до настоящего времени сохраняется традиция поясных и земных поклонов: «Она или так (кланяется в пояс. — Е.С.), или в ноги падет»³⁶.

Символическое падение женщины навзничь в локальной традиции рассматривается как *высшая степень почитания родственника* (в прошлом столетии фиксировалась в свадебном обряде, в настоящее время изредка встречается в церемонии похорон)³⁷. «Поклоны? Это свою покорность она показывает»³⁸, — поясняла Л.А. Смоленская. Сидевшие рядом женщины подхватили: «Вся свадьба — одни поклоны. Поклоны и синяки (последние доставались от заботливой крестной, которая во время свадебного застолья сидела по правую руку от крестницы и старалась незаметно для окружающих подтолкнуть ее локтем, чтобы напомнить о необходимости соблюдения существующих предписаний. — Е.С.). <...> Мы в другую избу ушли. Тут свекровка (стоит. — Е.С.). Тётка мне (шепчет. — Е.С.): “Падай в ноги, падай” и толкает локтем под бок»³⁹. Свекровь держится чинно и даже величественно. Высокий статус распорядительницы, хранительницы семейного очага⁴⁰ исключает совершение ответных поклонов. Социальный статус прочитывался в оппозиции «высокий/низкий» (поясной, земной поклон, падение навзничь как подтверждение степени превосходства свекрови): «Это свою покорность она показывает»⁴¹.

Трансформации, отмечаемые в обряде, допускают замену поклонов родственными объятиями: «Я ее обняла. “Как зовут? Как звать?” — [спросила невестка у свекрови]»⁴² (от символического изъяснения покорности к равенству?).

Ареной для «поединка» соперниц мог служить *женский угол (печь)*. Т.Б. Щепанская отмечает, что образующий прин-

цип проницательной символики раскрывается через сцепление репродуктивного и коммуникативного кодов: предметы с проницательной символикой использовались «как медиатор сложения и поддержания отношений между обитателями дома» [Щепанская 1999б: 155, 162]. Невеста, войдя в дом жениха, старалась посмотреть в печное устье, «чтобы весело жить было» [Топорков 2009: 41]. Иногда намерения новобрачной приобретали агрессивный характер: желая скорой смерти родителям мужа, невеста глядела в печь и про себя произносила текст заговора: «Велька яма, сховается *тато и мама* (ТР! курсив мой. — Е.С.)» [Зеленин 1916: 1080]. Следовательно, коммуникативный код может быть выражен как *интегративными* (сложения и поддержания) [Щепанская 1999а: 155], так и *деструктивными* (разделения и разъединения) *программами*.

В Ньюксенском районе Вологодской области «пожелания» могли высказываться в частушке: «У нас такая была баба, пойдёт плясать “уточку” (запоет. — Е.С.): “Поскоряе дай мне, Господи, / Чтобы свекровка умерла: / Все мутовочки, квашоночки бы / Мне передала”»⁴³. Свекровь, готовая к подобным действиям со стороны невестки, вступала в ритуальное состязание за первенство: «А свекровка другая станет к устью печи, руки в боки сделает, так и не подойдешь»⁴⁴. Печь оставалась объектом стратегической важности на протяжении всего периода совместного проживания семей. Изменение ролей с позиции подчинения/власти могло быть вызвано отделением сына (ведение самостоятельного хозяйства), болезнью или старческой немощью свекрови⁴⁵.

2. Свекровь — муж — невестка. Встречаются примеры, когда состязание за власть происходит не в парах, а в тройках. «Тётка мне (говорит. — Е.С.): “*Падай в ноги, падай*”. Он (муж. — Е.С.) стоит: “*Не падай*”. — “Падай в ноги, падай. Спроси, как зовут. Падай в ноги-то!” Он стоит: “Стой, не падай”. — “Пади в ноги-то, спроси, как зовут!” Я ее обняла: “Как зовут? Как звать?” Она говорит: “Татьяна Григорьевна”»⁴⁶.

Появление мужчины приводит к изменению канона: демонстрация мужской силы выражается в требовании нарушения устоявшихся норм (невеста показывает покорность мужу, а не свекрови). Для свадебного обряда редкий пример борьбы за обладание властью между матерью и сыном. Позиции сдаются не сразу, первая попытка завершается провалом: свекровь не при-

нимает ТР и предлагает обращаться по имени-отчеству. Сын продолжает настаивать на отказе от нормативного поведения, и мать вынуждена пойти на уступки — принять вокативную форму ТР: «Она говорит: “Чего уж?! *Тихон мамой* зовет, *ты тоже зови мамой*”»⁴⁷. Властность подчеркивается речевой интонацией. За повторами, торопливостью женских просьб и наставлений угадывается волнение, переживание старшей женщины. Мужчина немногословен, говорит негромко, но уверенно, как бы чеканя каждое слово: «Мужики — те у нас степенные!»⁴⁸ Невеста оказывается в ситуации выбора: и мужу угодить, и свекровь не обидеть⁴⁹. Девушка находит компромиссный вариант и обнимает свекровь.

Рассмотренный пример любопытен еще и тем, что показывает иерархический срез в сложной конструкции ролевого конфликта, когда противоречие наблюдается в самих предписаниях, регламентирующих нормы поведения участников обряда (пересечение гендерных, ритуальных и возрастных ролей). Иерархия выстраивается в соответствии с нормами, предписываемыми гендерной ролью. Показательное нарушение ритуальных норм служит утверждению доминантной позиции мужчины. Гендерная оппозиция «мужское — женское» приводит к трансформациям в свадебном обряде — изменению этикетных норм, исключению структурных элементов⁵⁰. Кукла также могла служить поводом к манифестации власти и главенства мужчины, индикатором поведения — в соответствии с устоявшейся в культурной традиции *гендерной ролью*.

3. Родственница жениха/невесты (представительница старшего поколения) — жених — невеста. В свадебной обрядности восточных славян широкое распространение получил обычай одаривания (поднесения, подбрасывания, припрятывания АФ) куклой молодых на брачном ложе⁵¹ [Виноградова, Толстая 2004: 29–30]. Появление АФ в преддверии брачной ночи (или поутру, во время побудки молодоженов) рассматривалось в качестве одного из приемов симпатической магии. Дарили «с умыслом, чтоб родила» [Там же: 29], «ребятишки чтоб рождались»⁵². *Дарители* — женщины старшего поколения, обычно родственницы со стороны мужа — *бабушка, тётя*: «...евонна бабушка бросила»⁵³, «Близкие родственники. Тут уж никого такого нет. Опасаются [появления чужих у постели молодоженов], и сейчас опасаются»⁵⁴. Обратимся к одному из примеров.

Сюжет «выпекания младенца» с ярко выраженным сексуально-эротическим подтекстом фиксируется в Чухломском р-не Костромской обл. Участники ритуальных действий — мужчины (друга и пособляющие). Площадкой становится женский угол. В центре внимания — печь, около которой и разыгрывается сцена. Поварушка просит о помощи, жалуясь, что не может открыть заслонку. Мужчины стучат по заслонке: «Печка не открываетце!» Затем соединяют концы одного из полотенец, имитируя отверстие, сквозь которое протягивают второе полотенце, растянув его во всю длину и, имитируя коитус, совершают ритмические движения. Особый колорит придает исполнение «Дубинушки». *Как только «полотенца подадут, узел да петлю — “Дубинушку” кричат, дёргают: один — сюда, другой — сюда: “Эй, дубинушка, ухнем!”*, поют у шестка: *“Как у нашей поварушки / Потонула [п...] в кружки. / Эх, дубинушка, ухнем, / Эх, зелёная сама пойдёт! / Идёт, идёт — вышла!”* <...>» После этого из печи доставали куклу. Вот как об этом вспоминали в д. Григорьевское Ножкинского с/с: *«А там вытаскивают куклу — ребёнка. Нясут к невесте. За стол нясут. Ну, как ребёночка такого»*⁵⁵. Пример традиционного прочтения прониимальной символики в контексте свадебного обряда. Здесь важен статус родственных связей: все мужчины — родственники жениха, как правило, старшего поколения. И сама сцена разыгрывается в конце свадебного пира, в преддверии брачной ночи.

Второй пример из Пинежского р-на. «Молодых повели спать, вот тут и кукла. Тут же делают. Все, молодым постель приготовлена. Она не лежит — кукла. И вот *тут она куклу-то достала*. Со стороны жениха тётка-то была. И положила [на кровать]. — Вот беда, вот беда. Посмотрите, что сотворёно! Что сотворили-то тут?! Ребенок, ребенок уж родился!»⁵⁶

Попытка осуществления контроля (*f* власти) в сфере воспроизводства, репродуктивного программирования демонстрировалась на двух уровнях — возрастном и гендерном: «Бабушка нарочно говорила: “Парня надо-то — топор положьте-то, топор в ноги”. А девочка — взголову куклу кладут⁵⁷ или платок»⁵⁸. Показательное поведение новобрачного, проявляемое в отношении ритуального предмета, традиционно связываемого с женским, свидетельствовало о мужском превосходстве (конфликт ролей, аналогичный рассмотренному выше). Муж сбрасывает куклу («завертыша») с кровати. Женщины характеризуют действия су-

пругов в терминах, которыми обычно описываются действия мужчины во время силовых поединков: «Николаюшка ее у меня как схватил и как бросил под порог <...> как свистанул в угол»⁵⁹, «Я тут еще отдувалась от спанья, а он как свистанул»⁶⁰. Невеста, напротив, проявляет интерес к антропоморфному свертку, ей хочется «разглядеть» куклу, «потискать»⁶¹.

В случаях, когда невеста получает АФ из рук своей родственницы, мужское участие в программах символического кодирования репродуктивной сферы (связанных с АФ) исключается. Право ритуального контроля и ответственность за рождение детей закрепляются за женщиной, вступающей в брак. Жительница Шарьинского р-на Костромской обл. вспоминает, что свадебная кукла досталась ее бабушке от мачехи — «считалось, для очага»⁶². Антропоморфный предмет становится маркером власти: пока жили в доме родителей мужа, куклу держали в потайном месте: «Всяк хозяин в своем доме большой» [Даль 1984б: 76]. «Это не их очаг», «Она у меня хранилась в сундуке»⁶³. Пространственное перемещение предмета связывается с переходом в собственный дом: «Когда мы перешли в дом свой — в избу, вот тогда только я выставила (куклу в красный угол. — Е.С.)»⁶⁴. Это пример игры с женскими статусами, проявившейся в утонченной форме. Индикацией становится место хранения АФ (родового символа). В доме свекрови — сундук, в своем доме — красный угол: «Не выставляла, потому что жили у свекрови»⁶⁵.

Наследование кукол по женской линии характерно и для тюркоязычных народов (телеуты, татары). АФ изготавливаются женщиной старшего поколения (матерью, бабушкой, тётушкой невесты), по поверьям оказывают магическое воздействие на фертильность и служат оберегом хранительницы и ее потомства [Ефимова 1926; Каруновская 1927, Выхристюк 2007: 6].

В татарском свадебном обряде куклу под подушку дочери-невесты подкладывает мать: «Она играла роль талисмана, способствующего продолжению рода» [Выхристюк 2007: 6].

У телеутов АФ (ämägändär), покровительствующие замужним женщинам, связаны с культом умерших [Ефимова 1926: 232]. В дом мужа их перевозят с приданым жены, хранят в холщовом мешочке на печке. Кормят два раза в год [Каруновская 1927: 23]. Считается, что нарушение предписаний может повлечь смерть роженицы или ребенок родится слепым [Ефимова 1926: 239]. Ämägändär используется в прогностических прак-

тиках: цвет бисеринок, пришитых вместо глаз, оказывает воздействие на цвет глаз новорожденного [Каруновская 1927: 22].

Приведем параллели из текстов сказочной прозы восточных славян. В сказке «Василиса Премудрая» дочь получает куклу вместе с благословением умирающей матери [Афанасьев 2008: 123]. Она обретает чудесную помощницу — устроительницу ее семейного счастья. Связующим элементом становится *кормление куклы*. В настоящее время (в севернорусской традиции) *кормление* кукол фиксируется в *детских игровых практиках* и крайне редко в *ритуалах поминовения умерших* [Самойлова 2011: 253–256, 258, 267].

Таким образом, куклы, используемые в программах репродуктивной направленности, способствуют утверждению статуса в период формирования родственных отношений, а также стимулируют новобрачных к демонстрации поведения, соответствующего гендерной роли, что служит подтверждением классической связки кодов воспроизводства и власти [Щепанская 1999б: 137]. Кукла связывается с вещественным миром женщины, домашним пространством. Такое символическое прочтение позволяет оперировать АФ в тех случаях, когда предполагается подчеркнуть низкий статус мужчины (кукла как оскорбление, насмешка): кукла — маркер неудачного сватовства [Морозов 2011: 128], символ отстающего в хозяйственных практиках [Морозов, Слепцова 2004: 340].

4. В структуру свадебного обряда могли включаться состязания за лидерство **между семейными парами — представителями разных возрастных поколений: родители мужа (главенствующая в доме семья) / молодожены**. По научению свахи молодые вставали обеими ногами на порог⁶⁶ и прыгивали в избу. Считалось, что совершаемые действия помогут приобрести смелость и избавиться от «притеснения домашних» [Макашина 2004: 550]. В стремлении сохранить властные позиции свекор «страшал» молодых в шубе, одетой наизнанку [Там же]. К аналогичным уловкам прибегала молодница: «Как бойка невеста, за порог *не перешагнёт, а соскочет быстро с порога*, чтобы изба задрожала: “Все в доме овечки, я один — волчонок”»⁶⁷, «Гром гремит во всю землю, / Гроза идет на всю семью, / Вся семья — свинья, / Одна я — госпожа» [Там же].

Символические действия участников свадебного обряда, направленные на конструирование статуса замужней женщины в кругу новой родни, служили импульсом к преодолению ком-

муникативных барьеров, и прежде всего между женщинами. В ритуале утверждались и регламентировались нормы традиционного поведения, осуществлялась их трансляция в будущее. И все же свадьба оставалась лишь одним из факторов, оказывающих влияние на процессы формирования родственных связей. Нередко родственницы, совершившие ритуальный шаг «навстречу», впоследствии уходили вспять: «*Ну сватья мне дала куклу — бабушка будет по мужу. Дали мне — и скажи [мама. — Е.С.] Ну куда деться? Сказала, и все. Больше на этом закончилось*»⁶⁸, [подчиняясь ритуальному этикету и советам одной из родственниц] «Я пошла. Я сказала. А вот *все равно после этого не стала мамой никак называть*»⁶⁹. Вместе с тем в рассматриваемых культурных практиках ТР могли использоваться как действующие механизмы регуляции родственных отношений. Обратимся к конкретным примерам.

«*Свекор — гроза, а свекровь выест глаза*» [Даль 1984а: 305].

Отказы от принятия ТР, указывающих на близость родственных отношений (свекровь/мать, невестка/дочь), фиксировались и во время свадебного пиршества. В этом случае ТР заменялся обращением по имени-отчеству.

«Дедка научил меня: поди, скажи, поклонись в ноги: “Как тебя, Александра Павловна, называть? Мамой?” Я вот сказала. А она: “Какая тебе в п...де мама?” Вот она мне сказала! Ну как я ее буду называть “мама”?!» — делилась обидами прежних лет жительница д. Лохново⁷⁰.

За неприятием ТР чаще всего скрывалась личная неприязнь, недовольство выбором сына и пр., как следствие, дистанцирование женщин, участвующих в совместных хозяйственных практиках и проживающих под одной крышей. Проекция отчужденности (неродственности) отражалась на поведении, эмоциональном состоянии и материальном благополучии (иногда доходило до голодного истощения, немощи). «До чего свекровка неласковая была: Степан (сын. — Е.С.) пойдет на работу, дак она ему яиц наварит, и все, а я [а мне] — ниче[го]. Я в положении была. Она пекёт блины. “Матушка, дай блинка”. Дак она мне два блина подала и говорит: “За ужином вычет будет”. И правда, вечером всем дает по три, а мне — один. Вот тебе и все — вычет»⁷¹. Этикетные нормы повседневного поведения предусматривали возможность выражения оценочных характеристик, отношения, пожеланий и т.д. в знаках невербальной системы⁷². Так, «копание сволочков»⁷³ символизирова-

ло тоску по отчому дому, желание повидаться с родителями. Свекровь могла ответить разрешением, косвенным отказом⁷⁴ или проигнорировать вовсе — «не заметить». Кулинарные оплошности невесток нередко подвергались молчаливым насмешкам не только свекрови, но и других родственников: «На глазах злополучнойстряпухи из кушанья медленно вытаскивается уголек, прусак, мышиный “калтеш”» [Никифоровский 1895: 52], некачественно помытая ложка «всесторонне и подолгу» рассматривается владельцем, после чего ополаскивается [Там же]. В сходной форме проходила проверка трудовых умений и навыков: «Свекровь *приглядывается* (не спросит! — *Е.С.*) — умеет ли рубахи весить: мужнины следует развесить пораньше, затем — свекра, свекровкины, потом уже свои. Если не так, то и *перевесит* (молча. — *Е.С.*). Не научена!»⁷⁵

Иногда при общении в паре «невестка/свекровь» происходило «выпадение» ТР: после свадьбы (до рождения детей) невестка старалась обращаться к свекрови *по имени-отчеству*, а после появления потомства и смены статуса называла *бабушкой*: «Я — пока Алешка не родился (обращалась по имени-отчеству. — *Е.С.*). А как Алешка родился, сразу бабушкой назвала, и все: и “бабушка” пошла. И все сейчас — *бабушка*»⁷⁶.

В настоящее время достаточно распространенной стала форма употребления ТР в союзе с именем собственным (ТР + имя)⁷⁷: «Сейчас все время добавляют: *мама Нина, мама Таня*»⁷⁸. Фиксируются случаи смены устоявшихся ТР (в парах «свекровь/невестка», «зять/тёща»), и родственницу брачного партнера начинают называть тётей (тётя + имя): «...потом *ребенок родился, стала бабушкой называть*, а то — *тёть Аля*»⁷⁹, «... *свекровь и тёщу* теперь можно называть *тётей*. Теперь и *по имени-отчеству* называют, и *тёщей* называют, и *мамой* называют»⁸⁰. Некоторые невестки используют косвенные формы обращений к свекрови (в 3-м лице): «Так не говорит “*мама*”. А (например, за столом. — *Е.С.*) *Женя, давай маме* нальем чай. А так — *Наталья Николаевна*»⁸¹.

Приведу пример, иллюстрирующий возможность оперирования ТР при налаживании межличностных отношений.

«Ласковое дитя от двух маток сосет»⁸².

Узуальное потребление ТР могло способствовать урегулированию напряженных отношений между невесткой и свекровью, вызванных отчуждением последней: «Не сначала (свекровь приняла. — *Е.С.*). Не нужна была я. <...> *в ноги-то пала*

и *мамой* назвала»⁸³. Символическое принятие власти старшей женщины получает подтверждение в повседневных практиках: «Я так и называла — мама моя и мама Сашина. Спрашиваюсь: «*Мама*, мы пойдем к мамы в гости... *Мама*, я то-то сделаю... *Мама*, мы то-то купим...»⁸⁴ Уважение, проявляемое к свекрови, способствовало установлению родственных отношений: «Дак ей как по уму стало, что я [спрашивала]. <...> И у меня свекрова така розговорчива стала со мной. А так к Смоленским век никто не ходил»⁸⁵. Свекровь обращалась к невестке по имени — Люба: «А раньше *по большому имени* звали — Анна, Любовь или Любава. У нас Любава больше. Свекр тоже *по имени* обращался к невестке»⁸⁶. В коммуникации с *чужими* использовались референтивные формы: «(когда разговор заходил о свекрови. — *Е.С.*) Чаше *свекровка* сказывала или *мама Сашина* [ТР + имя]». Очевидна дифференциальная функция употребления имени (когда возникает необходимость разграничить тождественные понятия): «*Мама моя* и *мама Сашина*»⁸⁷.

Возникают основания для определения дополнительной функции ТР, связанной со спецификой их использования в построении взаимоотношений между свойственниками.

Процессы интеграции послебрачного периода основывались на принципе локальной связи и предполагали освоение пространства в целом (природные и культурные объекты): люди — жилище и прилегающие территории — предметы хозяйственной утвари — домашние животные и пр. А.К. Байбурин отмечает, что «вхождение объекта в классификацию делает возможным его соотнесение со всем остальным миром символов хотя бы по основному классификационному признаку принадлежности к “культуре” vs “природе”, освоенности–неосвоенности» [Байбурин 1983: 18].

Дом. Метафоры родства

Расширение категорий родства за границы человеческих отношений базируется на свойстве метафоричности: «Человек слаб без семьи и без родни <...> он сродняется с домами, животными-питомцами, вещами, деревьями в саду...» [Артемова 2006: 140, 142]. АФ в числе прочих предметов размещаются в пространстве дома.

Отведенное для хранения место свидетельствует о статусе предмета, одним из слагаемых которого служит показатель

родственных связей. Так, куклы-дочки занимают почетные позиции на столах, сервантах, настенных полках и пр. Те, что подарены чужими или вызывающими неприязнь близкими, перемещаются в отдаленные уголки. Например, кукла, полученная женщиной в качестве свадебного подарка от стороннего человека — «с Валентином никаких общений»⁸⁸, была определена «на задворки»⁸⁹, «двадцать лет в изгнание живет»⁹⁰.

Как уже упоминалось, кукла, унаследованная женщиной по материнской линии (или полученная в дар накануне свадьбы), персонифицировалась с ее родом и в семье матери мужа хранилась на периферии. Отделение молодой семьи, означавшее переход к главенствующей роли распорядителей, сопровождалось изменением местоположения символического предмета (сундук — божница). Здесь важен принцип информационного кодирования предметов (сворачивание информации в символ) с последующей трансляцией этих кодов в будущее [Щепанская 2003: 118], который распространялся и на АФ. Свадебная кукла, полученная невестой из материнских рук, символизировала связь с отчим домом, сохраняла память о свадебном ритуале⁹¹. Привнесение частички своего в новое, пока еще не освоенное пространство способствовало преодолению отчужденности и помогало адаптироваться в новом окружении.

Установление связи как с насельниками дома, так и с самим жилищем сопровождалось и скреплялось поднесением ритуального дара. Дом очеловечивался. Признаки антропоморфизации находят отражение в декоре жилища, терминологии, обозначающей конструктивные элементы постройки [Криничная 2004: 108–116]. Соотнесенность социального и мифологического пространства проявляется в сходстве структурной организации семьи, проживающей в доме, и «семьи» домашнего покровителя [Байбурин 1983: 108]. Отсюда и параллели, возникающие при сопоставлении обрядовых действий, совершаемых при переселении в новый дом и переходе невесты из родительского дома в дом мужа: угощение домового, бросание пищи в печь, «пускание» курицы. Совпадает и ряд предметов (культурных символов), приносимых девушкой в дом родителей жениха, и тех, что по обычаю берут при вхождении в новый дом: икона, хлеб, курица⁹².

После просватанья невеста готовила *дары* для новой *родни* и нового *дома*: «Ты *даришь* всем и на дом тоже даришь. На дом там, может, на занавески или чего там — вот это на дом»⁹³. В Каракулинском районе Республики Удмуртия⁹⁴ после сватов-

ства назначали день «обмера столов»⁹⁵. Традиционно измерение рассматривалось как один из магических приемов, направленных на овладение человеком или предметом [Толстая 1999: 397]. Невеста с подружкой или родителями приезжала к жениху для снятия необходимых мерок: мерила столы, окна⁹⁶. Для этих целей использовали тряпку или длинную веревку⁹⁷. В Малопургинском р-не (удмурты) новобрачная дарит *завеску* (удм. *оброс аз* — ‘подиконник’; ‘то, что под иконами’) белого цвета с вышивкой — для украшения божницы. Подготовка даров для дома рассматривалась как один из прогностических элементов обряда: желательно было предопределить размер изделия. Если *завеска* подходила к *оброс кана* (удм. ‘шкафчик для икон’), это предвещало счастливый брак, если же размеры не совпадали, предполагали, что брак будет неудачным.

Предписываемая дому способность принятия или отторжения (человека, животного) находила выражение в терминах: по дому/не по дому (для человека, вещи), по масти/не по масти (для животного). Неприятие считалось следствием нарушения существующих норм. Например, среди пинежан распространен запрет на посадку высоких деревьев у дома: «Особенно ёлки — хвойные нельзя, черемуху: во дворе куст — будет дом пуст»⁹⁸. Такая же печальная участь ожидала хозяев, пренебрегших правилами строительства, в том числе при определении пространственной ориентации жилища⁹⁹.

И если некровное родство рассматривается как *результат привязанности* [Бутинов 1999: 91], то вполне очевидно, почему такое внимание в свадебной обрядности уделяется установлению символической связи между невестой, домом и всеми обитателями жилища (люди, домашние животные). Объединение происходит *по локальному принципу* (социальная организация по локальному признаку) [Там же: 95–96]. И актом символического утверждения и признания новой родственной связи становится церемония передачи дара.

Дарообмены родства (свойства)

В контексте свадебного обряда подготовка и принесение подарков новобрачной могут рассматриваться как выражение ее готовности к установлению родственной связи. Принятие дара родственниками мужа — как принятие и изъявление согласия на установление родственных отношений. Пословица, закрепившаяся в обиходной речи пинежан: «Подарки ведь отдарков

хотят», подтверждает существование принципов воспроизводства дара, побуждающих к установлению дружеских отношений [Мосс 1996: 92, 112]. Родственные отношения скреплялись принятием неотчуждаемого дара — вещи сохранялись «вне циркуляции, в стороне от всеобщего давления отдать вещи другим» [Weiner 1992: X], исключения возникали при одаривании куклой (рассмотрены ниже). Возникновение новых родственных связей закреплялось в ТР, принятие которых, в свою очередь, скреплялось ритуальным даром.

В севернорусской свадьбе в качестве предлагаемого дара чаще всего фигурируют предметы женских рукоделий (одежда: пальто, шаль, платок), символические предметы (кукла), встречаются случаи легитимации ТР во время ритуального угощения на свадебном пиру (пища как разновидность дара). В Ньюсенском р-не Вологодской обл. невеста во время застолья угощает всех, называя по имени, при угощении свекрови подает пиво и обращается как к матери: «*Матушка*, любишь — выпьешь»¹⁰⁰. На Кокшеньге невеста просит у свёкра и свекрови благословить «хлеба кушать»¹⁰¹ и называть их *батюшкой* и *матушкой*, на что получает ответ: «Кушай, *дитяtko* (курсив мой. — Е.С.)» [Макашина 2004: 554]. В Рязанской обл. родственники с обеих сторон участвовали в разделе свадебного караваея, украшенного тряпичными куклами «жениха» и «невесты»¹⁰² (проекции родства в обрядовой выпечке) [Морозов 2011: 135]. Перераспределение *доли* [Журавлев 1998: 71–87; Байбурин 1993: 51] между участниками (часть/целое), проходившее в конце брачного пира, скрепляло связи вновь образованной социальной структуры.

После свадьбы *подарки* (символы новой родственной связи) неоднократно *демонстрируются* знакомым, родственникам, соседям: «Потом ведь говорят: это *она мне подарила*», т.е. происходит публичное признание родства. Подчеркивается принадлежность дара новой родственнице — «она подарила». Ассоциации (даритель — АФ) основываются на принципе коммеморативной связи (*частички тех людей, которые их подарили*, «конкретная кукла связана с конкретным человеком»¹⁰³). Предмет сохраняет память о подарившем его человеке и таким образом порождает опосредованную связь с хранителем дара (его обладателем). Могло возникать несколько связующих звеньев. Например, когда дар получал двойной код памяти — о дарителе и событии: «У мамы много сестёр и *когда* кто-либо из них (троих) *выходил*

замуж, мне обязательно дарили куклу»¹⁰⁴, т.е. дар как память о человеке и/или событии.

Перемещение дара. В полевых материалах в качестве перемещаемого дара нередко упоминаются АФ. Кукла, полученная молодоженами в подарок, могла переходить новорожденному: «Когда у нас Танька родилась, дак Таньке в игрушки дали»¹⁰⁵, передаваться племянникам мужа (проживающим под одной крышей): «Ну, кукалок¹⁰⁶, чаво, ребята играли эти. В каждом [доме] семьи были и малышам атдавали сразу, после этаво»¹⁰⁷. Аналогичные примеры встречаем в исследовании И.А. Морозова: куклу-невесту, принесенную со свадебным деревцем племянницам жениха [Морозов 2011: 124, 127]. Отмечаются случаи целевой предназначенности — «самой маленькой золовке (курсив мой. — Е.С.) в подарок — девочке дают» [Там же: 132]. Иногда детям доставалась не АФ, а материал, который мог использоваться для ее изготовления. В Каракулинском р-не Удмуртии (русские) во время девичника, проходившего в доме невесты¹⁰⁸, девочки получали в дар от невесты ленточки и цветные лоскутки, которыми был украшен свадебный веник: «Красотку невеста даст». Подарок находил применение в игровых практиках: «...бегут, чтобы вот от невесты взять тряпчёнку какую-нибудь, с них кто что наделает»¹⁰⁹, в том числе и при изготовлении тряпичных кукол¹¹⁰.

Итак, АФ, используемые в свадебной обрядности (в перспективе конструирования родственных отношений), могут служить маркерами родственных связей, играть роль заместителей (жениха, невесты, ребёнка), мемориальными знаками. Они наделяются свойствами магических предметов и включаются в сферу воспроизводства (репродуктивное программирование). Пространственные перемещения АФ (сундук, комод, кровать, печь, божница), как правило, связаны с демонстрацией статуса (место куклы, невестки в доме свекрови и собственном доме), прочитывающегося в системе бинарных оппозиций: выше/ниже, публичное/приватное, открытый/закрытый и т.п. Ритуальные действия со свадебной куклой становятся проекцией гендерных отношений (муж *швыряет* куклу с брачного ложа). Кукла помогает в преодолении коммуникативных барьеров между невесткой и свекровью, установлении родственных отношений и их утверждении через принятие ТР.

ТР используются в техниках производства родственных связей (родство по кормлению, по локальному признаку, свой-

ство). Причем сами термины можно рассматривать как инструментарий, позволяющий управлять ситуацией и оказывать влияние на развитие отношений. ТР утверждаются ритуалом и получают санкцию на обиходное употребление. Представленные материалы позволяют определить три структурных элемента, сопряженных с фиксацией ТР.

1. Наиболее распространенный вариант констатации ТР — *ситуация передачи дара*. Используется вопросно-ответная формула: невеста отдает подарок и просит разрешения обращаться к родителям мужа с использованием тех же ТР, что и в общении со своими родителями, те принимают дар и отвечают согласием или отказом.

2. ТР могли утверждаться во время угощения (кормления) на брачном пиру.

3. Варианты, когда ТР связывается с символическим испытанием (шуточные формы женских повседневных практик: прядение, подметание избы, уход за младенцем) и публичным признанием власти свекрови.

Таким образом, можно выделить три формы фиксации ТР (между невесткой и свекровью¹¹¹). Представим их краткими формульными выражениями: дар + ТР; кормление + ТР; символическое испытание + ТР.

ТР — традиции и трансформации. В конце XIX — начале XX в. женщина, обращаясь к отцу и матери мужа, использует термины «матушка», «батюшка» (Нюксинский р-н Вологодской обл., Пинежский р-н Архангельской обл.). Во второй половине прошлого столетия произошли изменения и чаще стали обращаться «мама», «тата». В этом случае мы имеем дело с процессом вторичной номинации, и оба термина фигурируют в качестве *коннотативного имени* [Березович 2007: 61–63], т.е. имя обозначает нечто первичное — свои родители — и нечто вторичное — родители брачного партнера. И как следствие, образование связи между ТР и именем: имя — дефиниция ТР (ТР + имя). Новобрачные старались получить право использования терминов родственной связи, поскольку это оказывало немало-важное влияние на развитие родственных отношений. Особое отношение к ТР фиксируется у брачных партнеров-сирот. Отсутствие отца или матери объясняло желание восполнить утрату. Приведу пример, когда нарушение ритуальных норм связывается с особым эмоциональным состоянием вступающего в брак: «У меня. Только вывели невесту, он кричит за столом:

“Тётя Аля, скоро ли я тебя буду мамой-то звать?!” А я ему говорю: “Дак называй хоть теперь”. А он тогда говорит: “Слава Богу, розрешила”. [Для него это было важно?] У него мать умерла, с отцом рос»¹¹².

Вместе с тем принятие ТР связывалось с преодолением коммуникативных барьеров, и если отсутствовал дополнительный стимул — факт совместного проживания с семьей брачного партнера, то нередко после символического обращения с ТР во время совершения обряда следовали возврат на исходные позиции и поиск альтернативных вариантов. Этикетные нормы принятия ТР в паре «свекровь/невестка» сопровождаются церемонией изыявления покорности невесты (многочисленные поклоны, падение ниц, обыгрывание повторных обращений и пр.).

Таким образом, свадебный обряд использовался в качестве площадки для легитимации новых родственных отношений, в том числе и вербальной формы их выражения ТР, а АФ служили дополнительным средством и включались в интегративные программы, ориентированные на создание коммуникативного пространства.

¹ Из окон этого дома видна только фигура в мужской одежде.

² Полевые материалы автора (далее — ПМА), инф.: ж., ок. 75 л., Карелия, Беломорский р-н, с. Вирма, 2011.

³ ПМА, инф.: ж., ок. 60 л., Карелия, Беломорский р-н, с. Вирма, 2011.

⁴ Там же.

⁵ Резное изображение «дедо Саши» было привезено сотрудниками Череповецкого музея из Чарозерского района в 1937 г. Изображение было изготовлено внуком в память о деде Александре и установлено (вкопано в землю) перед домом.

⁶ «Приносились жертвы (в специальной посуде подносилась еда), чтобы они помогли своим потомкам и отводили беду от дома» [Бочаров 1987: 130].

⁷ ПМА, инф.: Т.М. Денисова, 1929 г.р., 2009.

⁸ Там же.

⁹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forum.dollplanet.ru> (дата обращения: 20.03.2013).

¹⁰ ПМА, инф.: Л. Смоленская, В. Фефилова, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012.

¹¹ ПМА, инф.: В. Фефилова, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012

¹² ПМА, АФЭЦ ОАФ: 1429, инф.: Т.М. Денисова, 1929 г.р. Костромская обл., Макарьевский р-н, д. Вышково, 2009.

¹³ ПМА, инф.: ж. ок. 70 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Ваймуша, 2009.

¹⁴ ПМА, инф.: ж. ок.70 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

¹⁵ Выше приводился пример по д. Вышково: пожилая женщина пришла на свадьбу родственников с куклой-«подкидышем».

¹⁶ В роли ряженных могли выступать как родственники жениха или невесты, так и соседи.

¹⁷ ПМА, инф.: Н.В. Рыжова, 1935 г.р., 2009.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 7859-0558, Костромская обл., Чухломской р-н, д. Григорьевское, 2008.

²⁰ СТР существует в двух основных формах — вокативной и референтивной [Попов 2000: 899].

²¹ ПМА, инф.: ж. ок.45 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

²² Аналогичные примеры встречаются в материалах, собранных в Нюксенском р-не Вологодской обл.: «У нас невеста придет от венца. Надо раздеться, что-нибудь подать (свекрови. — Е.С.). Вот, например, развешивает невеста — подаст платок с головы. “На, матушка, платок твой и я твоя, учи меня, дак стану слушать тебя”. А по-ранешнему — они же зимой были, свадьбы-то. Балахонки или кафтан — верхняя одежда. Так снимает с себя кафтан и скажет: “Кафтан твой, дак и я твоя”» (ПМА, инф.: О. Кошкин, Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, запись в Вологде, 2013).

²³ ПМА, инф.: Л. Смоленская, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

²⁴ ПМА, инф.: ж. ок. 50 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

²⁵ ПМА, инф.: ж. ок. 60 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

²⁶ Там же.

²⁷ ПМА, инф.: ж. ок.70 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

²⁸ Там же.

²⁹ ПМА, инф.: В. Фефилова, Л. Смоленская. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012.

³⁰ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 7859-0558, Костромская обл., Чухломской р-н, д. Григорьевское, 2008.

³¹ ПМА, инф.: ж. ок. 60 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

³² ПМА, инф.: ж. ок. 70 л. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Ваймуша, 2009.

³³ Крёстная жениха и жених старались *присесть на подол сарафана невесты* (чтобы в семье «верх» жениха был): «А ишо вот у невестов-то, а ишо забирали сарафаны-те. Возле хрёсной-то как идёт, дак хрёсная-то заберёт эдак вот сарафан-от, дак ишо и присядут. И жених приседёт,

и хрёстная приседёт ...дак ведь шшобы бояласе, наверно, жониха... при-страшшать», «...и шубу ишо` под их подло`жат» (АФЭЦ ОАФ: 2317-14, Космаревский с/с, д. Задний Двор, 1989).

³⁴ Божатка приходит с хлебом на тарелке, у другой божатки — пирожок, хворост: божатки (со стороны жениха и невесты) соревнуются, *кто выше подымет тарелку с пирогами, тот будет хозяин в доме* (АФЭЦ ОАФ: 2331-80, Брусенский с/с, д. Монастыриха, 1989).

³⁵ ПМА, инф.: Л. Смоленская, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

³⁶ Там же.

³⁷ Подтверждением тому служит ответ на вопрос, который был задан Л. Смоленской и вызван ее рассказом о ритуальных действиях во время погребения близкой родственницы (матери). Она сообщила, что бросилась в открытую могилу матери, после причети выполнила последние наставления покойной: «А еще на похоронах... Люба, не испугайсе, будут зарывать-то — уж больше половины нароют, так ты прыгни в могилу-ту». «Вот, я и хотела, чтобы все как по обряду, по обычаю. Так сделала. Ну что *очень желанный человек*. Тут *все держат тебя*, не отпускают, *а вырвешься и все равно...*» (ПМА, инф.: Л. Смоленская, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013).

³⁸ ПМА, инф.: Л. Смоленская, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

³⁹ ПМА, инф.: ж. ок. 50 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁴⁰ «Дом вести — не лапти плести» [Даль 1998: 466].

⁴¹ ПМА, инф.: ж. ок. 65 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, (запись телефонного разговора) 2013.

⁴² ПМА, инф.: ж. ок. 50 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁴³ ПМА, инф.: О. Коншин, Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, запись в Вологде, 2013.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ «У нас была старушка на хозяйстве, дак она долго не розрешала никому подходить к печи: она все управлялась, самая главная была. Первое, что матушка делает? Она туда пошлет, туда пошлет. А ей бы надо к устью печи подойти. А она станет эдак (подбоченясь. — *Е.С.*), или сядет прость и закроет эдак» (ПМА, инф.: О. Коншин, Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, запись в Вологде, 2013).

⁴⁶ ПМА, инф.: ж. ок. 50 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ПМА, инф.: ж. ок. 65 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, (запись телефонного разговора) 2013.

⁴⁹ Параллели возникают с текстами сказочной прозы, в которых феномен взаимоисключающих требований служит для демонстрации

мудрости героя: явиться «ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка», торговать так, чтобы «сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены» [Афанасьев 2008: 759, 761].

⁵⁰ В Кевроле после публичных насмешек одного из родственников невесты во время причети этот элемент традиционного обряда был исключен из обрядовой практики (ПМА, инф.: Л.А. Смоленская, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013).

⁵¹ Московские слависты приводят примеры по Брестской и Ярославской областям, в ПМА имеются сведения по Вологодской и Архангельской областям (2010–2013).

⁵² ПМА, инф.: В. Фефилова, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012.

⁵³ ПМА, инф.: ж. ок. 70 л. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Ваймуша, 2009.

⁵⁴ ПМА, инф.: О. Коншин, Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, запись в Вологде, 2013.

⁵⁵ ПМА, АФЭЦ ОАФ: 7859-0558, Костромская обл., Чухломской р-н, д. Григорьевское, 2008.

⁵⁶ ПМА, инф.: В. Фефилова, Л. Смоленская, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012.

⁵⁷ В Кичменгско-Городецком р-не Вологодской обл. те же предметы, но уже в целях «фиксации» пола клались в ноги (девочке — соломенная кукла, мальчику — деревянный топорик) [Самойлова 2010: 107].

⁵⁸ ПМА, Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, 2009.

⁵⁹ ПМА, инф.: ж. ок. 60 л. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Ваймуша, 2009.

⁶⁰ ПМА, инф.: ж. ок. 70 л. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Ваймуша, 2009.

⁶¹ Там же.

⁶² ПМА, АФЭЦ ОВФ, инф.: Н. Баринцева, Кострома, 2009.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Происходило нарушение обыденных норм: запрет стоять, сидеть, есть на пороге [Байбурин 1983: 138].

⁶⁷ АФЭЦ, рукописный фонд 911, вставной лист № 1 между с. 24–25.

⁶⁸ ПМА, инф.: ж. ок. 55 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. еурола, запись в СПб., 2013.

⁶⁹ ПМА, инф.: ж. ок. 70 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁷⁰ ПМА, инф.: ж., ок. 70 л. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Лохново, 2012.

⁷¹ ПМА, инф.: О. Коншин, Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, запись в Вологде, 2013.

⁷² Даже беглые интервью — по ходу доработки статьи — дополняют полевые материалы и свидетельствуют о существовании развернутой символической системы, которая используется в коммуникации женщин-родственников (свойственников), проживающих под одной крышей.

⁷³ «Копание сволочков» — выражение тоски по дому, родным. Женщина подходила к окну и начинала елозить, царапать пальцем по деревянной раме. «Тоскнёт, дак и копает сволочки. Это и свекровь так могла делать [когда приезжала погостить к сыну, проживающему отдельно]: “Нагостилась я у вас”» (ПМА, инф.: ж. ок. 65 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, (запись телефонного разговора) 2013).

⁷⁴ «Что копаешь? Домой хочешь? — Хочу. — Иди, я не держу. — А корова? Кто будет доить? — Доить некому» (ПМА, ж., ок. 70 л. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Лохново, 2012).

⁷⁵ ПМА, инф.: Л.А. Смоленская, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁷⁶ ПМА, инф.: ж. ок. 60 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁷⁷ И.Б. Качинская отмечает, что ТР могут употребляться в связке с именем собственным как в обращении, так и в номинации. Имя используется для идентификации родственника и дифференциации. Так, могут быть две бабушки — по роду отца и по роду матери, чтобы их различать, в союзе с ТР используют имя [Качинская 2012: 95].

⁷⁸ ПМА, инф.: ж. ок. 50 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁷⁹ ПМА, инф.: ж. ок. 60 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁸⁰ ПМА, инф.: ж. ок. 70 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁸¹ ПМА, инф.: ж. ок. 50 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁸² ПМА, инф.: ж. ок. 60 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁸³ ПМА, инф.: Л. Смоленская. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ ПМА, инф.: Л. Смоленская. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ПМА, инф.: ж. ок. 40 л., СПб., 2013.

⁸⁹ Куклу разместили за сервизом на верхней полке буфетного шкафа.

⁹⁰ ПМА, инф.: ж. ок. 40 л., СПб., 2013.

⁹¹ По воспоминаниям Н. Бариновой, кукла, которую ее бабушке подарили накануне свадьбы, была сделана из лыка, наряжена в свадебный костюм невесты (рубаха, «шерстовик» — зимний сарафан, очертания го-

ловы лишь просматривались под скрывавшим ее белым платком) (ПМА, инф.: Н.Ю. Барина, запись в г. Кострома, 2009).

⁹² Если в обрядах перехода в новый дом упоминаются и курица, и петух, то во время свадебного обряда невеста или кто-либо из ее родственниц приносят курицу. На Смоленщине птицу несли «самая главная сватья <...> на счастья», крылья курицы украшали красной лентой (ПМА, АФЭЦ ОАФ: 7595. инф.: В. Лотова, 1943 г.р., Г. Силина, 1940 г.р., Смоленская обл., Смоленский р-н, д. Станички, 2007). Курица появлялась «для разживы», с обрезанными крыльями (чтоб не летала), чтобы была плодovита, как курица [Бушкевич 2004: 62–63].

⁹³ ПМА, инф.: ж. ок. 70 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

⁹⁴ Русские, проживающие в д. Кулюшево, д. Гремячево, с. Вятское, д. Арзамасцево.

⁹⁵ АФЭЦ ОАФ 286-А006-001-01. Инф.: М.И. Горубнова, 1934 г.р., Чикурова А.Ф., 1935 г.р. Удмуртия, Каракулинский р-н, д. Гремячево. Автор записи: Е. СклЯрова, 2012.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ ПМА, инф.: В. Фефилова, А. Авакуева. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012.

⁹⁹ В д. Кеврола несчастливыми считались дома, вытянувшиеся вдоль дороги: «Они нежилые и стоят. (В них не живут? — Е.С.) Так не ставят дома (показывает на одно из нежилых строений). Тех, которые настоящие [хозяева], их нету. И после тех: они тоже умерли. Их нет. Тех хозяев нету, они умерли. И теперь никто не живет. И вот здесь вот такой же дом (показывают на дом, который стоит вдоль дороги, и крыльцо от дороги). Такая же судьба. Все умерли» (ПМА, инф.: В. Фефилова, А. Авакуева, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, 2012).

¹⁰⁰ АФЭЦ РФ 911. С. 29.

¹⁰¹ См. родство по кормлению [Бутинов 1999: 86–94].

¹⁰² Овладевшие АФ родственники относили их домой, где отдавали своим детям. Родственники жениха пытались овладеть фигуркой «невесты», а родственники невесты прилагали усилия, чтобы схватить «жениха», что можно рассматривать как еще один вариант состязаний за достижение символического первенства [Морозов 2011: 135].

¹⁰³ Форум о куклах. URL: DollPlanet.ru (дата обращения: 20.02.2013).

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ ПМА, инф.: ж. ок. 70 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

¹⁰⁶ Куклы появлялись вместе с выносом свадебной елочки и символизировали будущее потомство. «Ещё там приговаривалось, что вот у вас столько-то будет сыновей, столько дочерей. Каму сколько пожелают: траих каму, дваих каму, четверых.... Пад ёлочкой куколки» (АФЭЦ ОАФ: 7865, инф.: Т. Анисимова, 1932 г.р. Костромская обл., Чухломской р-н, д. Серапиha, Авт. записи: А. Полякова, 2008).

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Можно предположить, что в этом случае перемещение происходило по каналам родственных связей невесты (племянники и др.), которые проживали в одном доме с новобрачной и могли присутствовать на девичнике. Фрагмент интервью не оставляет возможности для верификации гипотезы: «...к невесте приходят дети, ну мы вот были дети, и бегают по эти ленточки» [Там же].

¹⁰⁹ АФЭ.

¹¹⁰ Практически все информанты, которым доводилось в детстве делать тряпичные куклы и играть с ними, вспоминали, какую ценность представлял любой кусочек раздобытой ткани. Он тут же пускался в ход — на куклу или изготовление для нее одежды. «И у нас такие игрушки были хорошие: если мы найдем тряпку красивую. Раньше ведь тряпки — новых не дадут, а старые изнасят ведь. <...> особенно мы радовались, когда нам дадут платок. <...> Вот тут-то платки мы нарежем для всех кукол. Тут уж мы поменяемся. Сколько нам надо» (ПМА, инф.: М. Туголукова, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Лохново, 2012).

¹¹¹ Использование ТР (в развернутой форме) в ситуациях общения между невестой и прочими родственниками мужа не встречается, что может свидетельствовать о значимости установления взаимоотношений в женской паре «свекровь/невестка» (их участие в совместных трудовых практиках). К деверю и золовке новобрачная обращается по имени (ТР + дар). Предпринятые на Пинеге попытки выявить варианты вокатива при обращении к свёкру завершились неудачей. Причина кроется в послевоенном периоде, на который приходилось время браков, — 50–60-е годы XX в. Женщины затруднялись с ответом, поскольку у них свёкров не было. Но многие выражали готовность называть его «тятьей» (так обращаются здесь к отцу). В Нюксенском р-не невестка называла свёкра «батюшка»: «Когда дары дарит, спросит: “Как Вас звать-величать?”». “Ну, — скажет, — зови меня батюшкой” <...> Но *тятя* обычно не звали родителей жениха. Это все звали *своих* (родителей. — Е.С.)» (ПМА, инф.: О. Коншин, Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище, 2013).

¹¹² ПМА, ж. ок. 50 л., Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Кеврола, запись в СПб., 2013.

Артемова 2006 — *Артемова О.Ю.* Гармония родства // АР-11. С. 117–145.

Афанасьев 2008 — *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: полное издание в одном томе. М., 2008. № 104, 327, 328.

Байбурин 1983 — *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Байбурин 1993 — *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.

Березович 2007 — *Березович Е.Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007.

Бочаров 1987 — *Бочаров Г.Н.* Русская деревянная скульптура // Дерево в архитектуре и скульптуре славян. М., 1987.

Бутинов 1999 — *Бутинов Н.А.* Экзогенное родство // АР-4. С. 78–103.

Бушкевич 2004 — *Бушкевич С.П.* Курица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 60–68.

Виноградова, Толстая 2004 — *Виноградова Л.Н., Толстая С.М.* Кукла // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2004. Т. 3. С. 27–31.

Выхристюк 2007 — *Выхристюк О.И.* Кукла. Школа материнства. Новосибирск, 2007.

Даль 1984а — *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2-х т. М., 1984. Т. 1.

Даль 1984б — *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2-х т. М., 1984. Т. 2.

Даль 1998 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1998. Т. 1.

Зеленин 1916 — *Зеленин Д.К.* Описание рукописей Ученого архива Имп. Русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 3.

Ефимова 1926 — *Ефимова А.* Телеутская свадьба // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. Вып. 1. С. 225–246.

Журавлев 1998 — *Журавлев А.Ф.* К реконструкции древнеславянского мировидения (Категории «доли» и «меры» в их языковом и культурном выражении) // Проблемы славянского языкознания: три доклада к XII Междунар. съезду славистов. М., 1998. С. 71–87.

Каруновская 1927 — *Каруновская Л.Э.* Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Л., 1927. С. 19–36.

Качинская 2012 — *Качинская И.Б.* Русские термины родства и личное имя // АР-13. С. 95–110.

Криничная 2004 — *Криничная Н.А.* Русская мифология: Мир образов фольклора. М., 2004.

Мадлевская 2005 — *Мадлевская Е.Л.* Кукла // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005. С. 300–304.

Макашина 2004 — *Макашина Т.С.* Свадебный обряд // Русский Север. М., 2004. С. 473–574.

Морозов 2002 — *Морозов И.А.* Кукла в современном обиходе (полевое исследование эволюции статуса вещи) // Актуальные проблемы полевой фольклористики. М., 2002.

Морозов 2005 — *Морозов И.А.* Кукла в традиционном свадебном обряде // Традиционная культура: научный альманах. М., 2005.

Морозов 2011 — *Морозов И.А.* Феномен куклы в традиционной и современной культуре: Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма М., 2011.

Морозов, Слепцова 2004 — *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры: Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина. М., 2004.

Мосс 1996 — *Мосс М.* Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.

Никифоровский 1895 — *Никифоровский Н.Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (Этнографические данные). Витебск, 1895.

Попов 2000 — *Попов В.А.* Системы терминов родства // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 2000. С. 899.

Разумова 2001 — *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Самойлова 2010 — *Самойлова Е.С.* Кукла в системе обрядов жизненного цикла: К вопросу о функциональности ритуального предмета // Теория и история исполнительства. Культурология и этномузыкалогия. Теория и методика профессионального образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. VII Серебряковские чтения (Волгоград, 26–27 января 2009 г.). Волгоград, 2010. Кн. 2. С. 103–118.

Самойлова 2011 — *Самойлова Е.В.* Антропоморфные фигуры в контексте похоронно-поминальной обрядности севернорусской деревни // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова. СПб., 2011. С. 251–268.

Толстая 1999 — *Толстая С.М.* Измерение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 397–399.

Толстая 2008 — *Толстая С.М.* Аксиология родства в свадебном фольклоре (русско-сербские сопоставления) // *Natales grate numeras?: Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона.* СПб., 2008.

Топорков 2009 — *Топорков А.Л.* Печь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2009. Т. 4. С. 39–44.

Щепанская 1999а — *Щепанская Т.Б.* Дискурсы российской власти: термины родства // АР-4. С. 137–161.

Щепанская 1999б — *Щепанская Т.Б.* Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы (Сб. МАЭ. Т. LVII). СПб., 1999. С. 149–190.

Щепанская 2003 — *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003.

Щепанская 2005 — *Щепанская Т.Б.* Мать // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2005. С. 339–344.

Щепанская 2010 — *Щепанская Т.Б.* Сравнительная этнография профессий: Повседневные практики и культурные коды. Россия, конец XX — начало XXI в. СПб., 2010.

Weiner 1992 — *Weiner A.B.* Inalienable Possessions: The Paradox of Keeping-While-Giving. Oxford, 1992.